Мы продолжаем путешествие по главной улице старого города – Коммунистической. Оно стало возможным после того, как в Самарском архиве были найдены документы столетней давности, в которых описан каждый квартал города. В поиске помогла председатель Балаковского совета «Союза женщин России» Татьяна Зарубина.

ВЫЙДУ НА УЛИЦУ...

Продолжение. Начало в № 35, 37, 39, 41, 43, 45

Дом Чуракина, земский начальник.

Напомню, что мы остановились на углу улиц Коммунистическая и 1-го Мая, у дома, который сто лет назад принадлежал николаевской мещанке Анне Александровне Резвовой, и где в то время располагалось товарищество Голунова, занимавшееся хлебной торговлей. Давайте немного здесь постоим и посмотрим на другую сторону улицы. Там – два кирпичных двухэтажных здания.

Первое от угла (ул. Коммунистическая, 92) – дом, который принадлежал крестьянке Вольского уезда **Анастасии Дмитриевне Спиридоновой**. Она получила его в наследство в 1905 г. и сдавала некоему Траутвейну, устроившему здесь столярную мастерскую.

Следующая двухэтажка (ул. Коммунистическая, 86) принадлежала **братьям Масленниковым – Александру и Дмитрию Антоновичам**. Несмотря на то, что по сословию они были крестьянами (Балаковской волости), жили братья богато. Они торговали хлебом, имели два амбара на Балаковке и собственный дом на Московской. Накануне революции 1917 года Дмитрий был избран городским старостой, сменив на этом посту Ивана Васильевича Мамина.

А теперь давайте перейдём Коммунистическую по ул. 1-го Мая (100 лет назад Воскресенская). Здесь слева – терем музея истории города. Это красивое здание включено в список памятников историко-культурного наследия. Считается, что этот особняк некогда принадлежал купцу **Голованову В.В.** Однако подтверждающих документов автор этих строк пока не нашёл.

Дом Спиридоновой, столярная мастерская.

А вот о двухэтажном доме напротив совершенно точно известно, что он принадлежал балаковскому крестьянину **Григорию Веденеевичу Чуракину** и был построен в 1884 году. 100 лет назад здесь снимал квартиру земский начальник Банковский со своим многочисленным (6 человек) семейством. Он был представителем Самарской оценочной комиссии. Её специалисты занимались оценкой недвижимого имущества балаковцев, результаты которой и используются в данном материале. Когда опись была завершена, необходимо было получить визу Банковского, чтобы составить список новоявленных горожан, но он с января 1912-го находился на больничном и выехал из города.

«Попытка оценочной комиссии войти в сношение с администрацией по этому делу, хотя бы только для получения некоторых разъяснений, окончилась неудачей. Как пойдёт дело, если г. Банковский действительно не возвратится, а заместитель ему не скоро будет назначен? – задавался вопросом корреспондент газеты «Саратовский листок». – У г. Банковского есть временный заместитель, но он, во-первых, живёт в 100 верстах от Балакова, а во-вторых, возможно ли ожидать, чтобы он занимался этим совершенно побочным делом, когда он даже и прямые свои дела, например, насчёт укрепления крестьян, от себя отстраняет».

Дом Голованова, музей истории города.

Земские начальники контролировали исполнение государственных законов и распоряжений земства гражданского характера среди крестьянского сословия. Особенно они усердствовали в сборе налогов.

Напротив музея истории города, на другой стороне Коммунистической, – двухэтажное здание, в котором размещалось коммерческое собрание с коммерческим клубом. Балаковские коммерсанты приобрели его в рассрочку у **Екатерины Сергеевны Овчинниковой**. Они перебрались сюда из дома Кобзаря, который находился на ул. Новоузенской (сегодня Ленина). Хозяин отдал его в 1910 году под коммерческое училище, и им пришлось менять место дислокации.

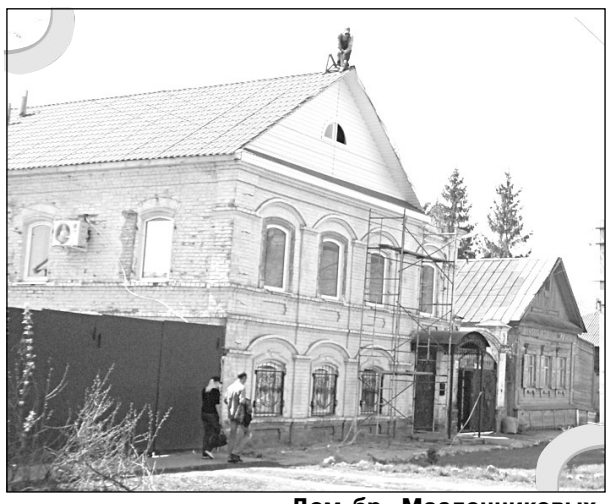
Устав балаковского коммерческого клуба (собрания) был утверждён ещё Александром II – в 1873 г. Правда, тогда он назывался сельскохозяйственным собранием, т.к. в то время в сёлах открывать коммерческие клубы не разрешалось. Первым старшиной-распорядителем был Д.Д. Зейферт, о котором пока известно только то, что он не жалел ни времени, ни средств, за что был удостоен звания почётного члена собрания, как и ещё трое наиболее активных членов (фамилии их пока неизвестны). Со временем собрание стало называться коммерческим клубом.

Несмотря на то, что им управлял совет старшин, фактически всеми делами ведал один старшина-распорядитель. Это единоначалие нравилось далеко не всем. 15 февраля 1897 г. «Самарский вестник» опубликовал корреспонденцию за подписью «Наблюдатель» (скорее всего, это был уже известный нам М.Н. Корнеев). Респондент возмущался, что, когда члены клуба организовали подписку (сбор средств) в пользу местной общественной библиотеки и решили отпраздновать успех благотворительного мероприятия, клубное помещение оказалось закрытым: старшина-распорядитель (фамилия не называлась) оправдался тем, что организаторы просто не попросили у него особого разрешения.

«Подобные подписки практикуются уже несколько лет, значит, для старшины-распорядителя совершенно достаточно было лишь знать, что подписка устраивается и что участвуют в ней члены клуба, а он это отлично знал, ему подписка также предлагалась, но только он отказался украсить её своей фамилией, высказав при этом несколько глубокомысленных замечаний на тему о бесполезности библиотек вообще, а местной библиотеки в особенности, так как в ней ни лично он, ни его приятели, тоже кое-что понимающие, совсем не нуждаются».

Зато когда купеческая компания решила в клубе «погулять», двери для неё открыли немедленно.

«Вероятно, с точки зрения старшины-распорядителя, поддержать буфет



Дом бр. Масленниковых.

гораздо полезнее, чем поддержать библиотеку!.. – язвительно замечает «Наблюдатель». – Да оно, пожалуй, и так, потому библиотекой действительно ни он, ни его друзья не пользуются, ну а буфет... это дело другое».

Такое бесполезное времяпрепровождение удручало постоянного автора «Самарского вестника». Через две недели появляется его очередное послание, в котором он критикует коммерческий клуб за то, что его стены стали пристанищем только для любителей карт, бильярда и буфета. Даже попытка устроить на масленичной неделе маскарад не удалась: «... от клуба, как от Назарета, ничего путного быть не может».

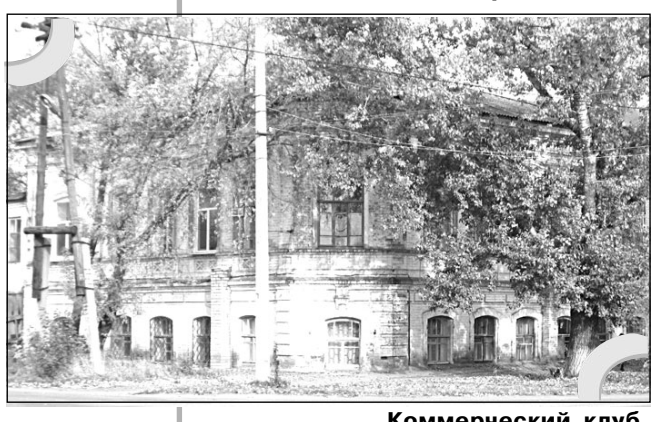
По всей видимости, клубные старшины так и не научились организовывать более культурный и интеллектуальный отдых. Спустя 7 лет в адрес клуба снова отпускаются колкости. Правда, на страницах уже другой газеты – «Саратовский листок» и за другой подписью – «Nemo». Но рука, чувствуется, та же:

«Балаковцев постигло большое горе. Помилуйте! Вся вторая праздничная неделя с Нового года совершенно была отравлена. Какой же это праздник, когда нельзя выпить? А в таком именно вынужденно трезвом положении и оказались злополучные балаковцы по вине своих виноторговцев, не успевших запастись требуемыми акцизным ведомством для продажи веселящих напитков документами. В результате все ренсковые погреба прекратили пока торговлю, а клубный буфетчик, к своему сожалению, мог поить жаждущую публику только сладкой водой. Конечно, «белую» и «красную» головки можно было достать в не нуждающейся в документах казённой винной лавке, но в Балакове есть и любители коньяка и вина, да и бутылки с водкой нельзя же в клуб таскать. Даже жигулёвское товарищество и то не запаслось документами, и обыватели, привыкшие к пиву, принуждены были его заменить волжской водой, мало похожей вкусом на пиво. Клубные вечера и маскарады поэтому прошли скучно и вяло. Обыватели бродили по залу, как сонные мухи, и никакие интригования масок не могли их расшевелить. Какое уж там веселье всухую! Сунется умирающий от жажды обыватель в буфет, лакей услужливо откупорит ему бутылку воды, а обыватель с тоской и ненавистью смотрит на пенящийся напиток. Хлебнёт глотка два, сплюнет от досады и, злой, пойдёт опять шататься по залу. Маски даже подойти боятся: такие у всех разочарованные и обозлённые физиономии. Так и пропала праздничная неделя у балаковцев».

В декабре 1913 г. всё тот же «Саратовский листок» осуждает клубных старшин за их «малодеятельность», приводя в пример только «единственный живой элемент»: завхоза, купца-немца В.А. Шмидта, – и... дам, которые 3 декабря впервые провели очень удачный семейный вечер: «тут было и пение, и чтение, и танцы, и всё это так непринуждённо, действительно, по-семейному». Укрепилась ли эта добрая традиция, история пока умалчивает.

В 1917-м грянуло сразу две революции: и если первая почти не повлияла на уклад небольшого купеческого города, то вторая перевернула всё с ног на голову. Здание коммерческого клуба заняли коммунисты. Они разместили здесь штаб своей Красной Гвардии, они провозгласили здесь Советскую власть, они ликвидировали купечество как класс, сделав его имущество всенародным достоянием. Началась другая жизнь. Коммерческий клуб закрылся навсегда.

Юрий КАРГИН



Коммерческий клуб.

Продолжение прогулки в следующем номере.